

**Текст выступления основателя и директора ПИР-Центра Владимира Орлова
на международной конференции «Карибский кризис 60 лет спустя:
уроки для XXI века» 19 октября 2022 г.**

- Сегодня я буду говорить скорее от себя лично.
- Я был начальником Никиты Сергеевича Хрущева, а Фидель Кастро был моим другом. Излишне говорить, что Никита был внуком советского экс-лидера, а Фидель-младший — сыном кубинского лидера. Оба были интересными собеседниками, с которыми можно было обсудить историю Карибского кризиса и поделиться тем, что они узнали от своих предков. Я мечтал однажды собрать их вместе на конференции. К сожалению, оба скончались. Но то, что мы с ними обсуждали как «историю» - сегодня, спустя 60 лет после Карибского кризиса, это только «история»? Не рифмуются ли некоторые страницы истории с текущими событиями и текущими спорами.
- В своем выступлении я поделюсь с вами уроками, которые я извлек, и не только из самого кризиса, но и из его последствий. Я извлёк довольно много уроков; но сегодня я ограничусь только пятью.
- Для этого я приглашаю вас в машину времени.
- ПЕРВАЯ остановка будет ровно 60 лет назад: 19 октября 1962 года. 4-й день кризиса. Не самый плохой. Худшее ещё впереди. Но именно в тот день вторжение на Кубу и удары по советским ракетным объектам оказались предпочтительным вариантом советников Джона Кеннеди. Я сидел и читал телеграммы того дня из Вашингтона и из Москвы. И сравнивал их. Обе стороны сильно неверно истолковали намерения друг друга, хотя предполагали, что все еще разговаривали друг с другом. Это подводит меня к моему УРОКУ № 1: отсутствие неформального общения между двумя сторонами во время кризиса приводит к драматическим и опасным заблуждениям и неправильным толкованиям – и это прямой риск скатиться к войне, потому что нет диалога, или потому что диалог неэффективен.
- ВТОРУЮ остановку мы делаем в 1968 году. В этом году появился великий итог Карибского кризиса: подписание Договора о нераспространении ядерного оружия. После того, как и Советский Союз, и США почувствовали, что они так близки к ядерной войне, идеи контроля над распространением ядерного оружия получили поддержку на высшем политическом уровне как в Вашингтоне, так и в Москве. Это значительно облегчило работу дипломатов. И менее чем через 6 лет после кризиса мы получили ДНЯО. Это подводит меня к моему УРОКУ № 2: Ядерные кризисы также могут открыть двери для новых соглашений и договоров, которые сделают мир более безопасным, подталкивая к этому лидеров – если, конечно, лидеры сами извлекут уроки из кризисов и будут достаточно мудры, чтобы вдохнуть новую жизнь в совместную дипломатию с оппонентом, а не «проскочить» её.
- Но тот же год преподносит мне еще один урок, иного рода. Это был год, когда Соединенные Штаты всерьез планировали применение тактического ядерного оружия в региональном конфликте во Вьетнаме. В итоге, этого не произошло. Но это могло случиться в 1968 году и не только тогда. УРОК №3: Соблазны применения ядерного

оружия бывают иногда даже тогда, когда глобального ядерного кризиса нет, а есть иллюзия возможности «ограниченной ядерной войны», которую можно выиграть. Это опасная иллюзия. В ядерной войне не будет победителей.

- И вот мы в **2012** году – 50 лет после кубинского ракетного кризиса и 10 лет назад. Меня попросили написать эссе на ту же тему, которую мы сегодня обсуждаем: полученные уроки? В том году я работал с кубинскими архивами и смотрел на эту историю через кубинскую призму — да, кризис 1962 года был не совсем танго для двоих. Или всё-так был? Хотя 2012 год уже был годом сложных отношений и обострения напряженности между Россией и Соединенными Штатами, я пришел к выводу, который может показаться парадоксальным и который я ставлю в качестве заголовка: «Даже и сейчас, где-нибудь в Тегеране или еще где-нибудь, хорошо выучили давний карибский урок: русские и американцы, если дело запахнет не «газетным», а настоящим порохом, между собой договорятся, без свидетелей, без рефлексий о том, что предадут «друзей». Ведь таким категориям, как друзья, в нынешних международных отношениях так же нет места, как им не было места полвека назад. Все определяют интересы, а может ли быть более сильный интерес, чем выживание?» Это мой УРОК №4.
- А теперь я поверну свою машину времени вспять – и моя ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА будет в **1960** году. За два года до кубинского кризиса. На слайде Лео Сциллард — известный венгерский ученый-ядерщик, который работал над бомбой, но вскоре разочаровался и начал свою энергичную и отчасти эксцентричную кампанию по ядерному разоружению. Вот отрывки из его памфлета, который называется «Голос дельфинов».

«Лео отправляет русский перевод советскому премьеру — Никите Хрущеву, — который согласился встретиться с ним наедине в октябре 1960 года в Нью-Йорке. Встреча, запланированная на 15 минут, переросла в двухчасовую дискуссию о том, как предотвратить или, по крайней мере, снизить эскалацию ядерной войны, включая предложение Сцилларда установить открытую телефонную линию между Кремлем в Москве и Белым домом в Вашингтоне. Сциллард подарил своему гостю бритву Schick Injector Razor и шестимесячный запас лезвий, пообещав прислать еще, если США и СССР смогут избежать войны. Хрущев принял бритву, добавив, что «если будет война, он перестанет бриться, и думает, что многие другие тоже перестанут». Хрущев предложил взамен ящик водки, но Сциллард, страдающий раком крови, попросил взамен минеральной воды. В его номер доставили два ящика вместе с икрой. Сциллард сдержал свое обещание, пополняя запасы бритвенных лезвий до тех пор, пока в результате Карибского кризиса каналы связи не были прерваны».

- Вот мой 5-й урок – и последний на сегодня. Дельфины не помогут. Как говорил мне мой учитель, посол Роланд Тимербаев, один из авторов ДНЯО: «Володя – вся ответственность лежит на нас, на человечестве. Если мы не будем мудры, то и бритвы не понадобятся, и водка не поможет... так как род человеческий будет стерт... и, вероятно, будет заменен новым, более мудрым, надеюсь».